

ОЛЕГ БАТЛУК

ОЛЕГ БАТЛУК

МИСТЕР
ЭНДОРФИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 28

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Дизайн обложки — *Влад Воронин*
Иллюстрации в блоке — *Кэтрин Чек*

Батлук, Олег Викторович.

Б 28 Мистер Эндорфин: (сборник рассказов) / Олег Батлук. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-17-111364-3

Автор бестселлеров «Записки неримского папы» и «Мемуары младенца» Олег Батлук берет очередную высоту. Сборник «Мистер Эндорфин» состоит из умопомрачительных историй, пронизанных фирменной авторской самоиронией. Блестящее чувство юмора, неиссякаемый поток шуток и гэгов, ироничная наблюдательность и желание показать жизнь прекрасной даже в самые щекотливые моменты придают новой книге автора неповторимое звучание.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111364-3

© О. Батлук, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

АПОЛОГИЯ ЖАНРА. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Писательская муза — это Золушка, и ей подходит лишь одна-единственная туфелька жанра.

Хорошо, если эта туфелька лежит прямо на лестнице перед дворцом. Многие авторы искали ее всю жизнь...

В первое утро своего писательства я свесил ноги с кровати и попробовал роман. Так малыши натягивают папины ботинки сорок третьего размера и влочат за собой внезапно отросшие копыта.

Затем я сунул ступни в новеллу. Она была удобна, как домашние тапочки. Я едва слышно шаркал к финалу, не разбудив даже тараканов под плинтусом.

После этого я решил примерить поэзию. Поэзия, как лакированные туфли, сверкала даже в ненастную погоду. Это было как минимум эффектно. Прав-

да, рифмы меня страшно стесняли. Я не мог пройти и метра без стонов (что для лирических стихов неплохо). Досочинявшись до кровавых мозолей, я оставил поэзию поэтам.

И вот, наконец, я нашел своей Золушке жанр по размеру. Правда, им оказалась не хрустальная туфелька, а кроссовки. Пружинистые и легкие, в которых можно пробежаться перед работой.

Я говорю о жанре миниатюры. В кино существует похожий формат — короткометражки.

Аналогия с кино неслучайна. Я вообще считаю, что мы сейчас живем в эпоху посткинематографа, когда кино существенно преобразует все прочие виды искусства.

Литература «пострадала» от кинематографа больше всего. Джойс заметил угрозу еще в тридцатые годы прошлого века: он внимательно смотрел «Броненосец Потемкин», изучая приемы монтажа. Стремительно слепнувший ирландец понимал, что новое искусство, умеющее оживлять написанные тексты, может легко выиграть конкуренцию у слепой литературы.

Чтобы добиться успеха в эпоху посткинематографа, литература должна быть киногенична. Отныне ее главная добродетель — это умение усадить читате-

МИСТЕР ЭНДОРФИН

ля в режиссерское кресло и помочь ему снять кино в своей голове. На авансцену литературы выходит изобразительная техника кинематографа: монтаж, смена планов, флешбэки и саундтрек. Роль последнего играет звукопись письменной речи.

Между кино и литературой остается одно различие: в первом случае ты — зритель, во втором — режиссер.

Режиссер — это, конечно, увлекательно: можно создать свой город солнца на ощупь, — но энергозатратно. Работа зрителя легче и в бытовом плане комфортнее.

При этом на воображение современного человека претендует не только литература. Кто только не норовит залезть нам в голову. Даже среднего ума «умный» дом скоро станет умнее нас.

У литературы больше нет бескрайних русских просторов, беспросветных ночей, безвылазных зим, чтобы наслаждаться монополией на наш досуг. Где ты, блаженное бестелевизорье, безынтeрнетье и безайфонье? Пропало не за понюшку биткойна.

На высказывание современному писателю оставили в разы меньше времени, чем его предшественникам. Наши будни — это мелкий винограет. Мы перестали проживать большие эпические жизни

ОЛЕГ БАТЛУК

и перешли на экспресс-судьбы, малолитражные участи и компактное мироздание. Мы стали королями эпизода.

И тут выхожу я, весь в белом, со своими миниатюрами — короткометражками.

Я не претендую на вашу душу. Только на ваши пять минут за чашечкой кофе.

Олег Батлук

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник миниатюр рекомендован для самолечения «Всемирной Организацией Практикующих Эльфов и Человеколюбивых Гномов». Он составлен из текстов — «эндорфинок». «Эндорфинка» — это гибрид зефирки и валентинки: нежная, тающая на языке зефирка, отправленная с любовью в конверте от валентинки. Если вас уже стошнило от уменьшительно-ласкательных суффиксов, значит, вы не знакомы с Мистером Эндорфином. Но это поправимо.

Мистер Эндорфин учит нас зефирьей нежности и валентинковой сердечности. Он способен электрифицировать самую отдаленную тмутаракань нашей души.

Ученики Мистера Эндорфина словно проглотили лампочку. Есть такие энтузиасты, на спор глотающие лампочку и ставящие в тупик специалистов в травм-

ОЛЕГ БАТЛУК

пунктах. Последователей Мистера Эндорфина от упомянутых энтузиастов отличает то обстоятельство, что у них в животе эта лампочка приживается. Питомцы Мистера Эндорфина светятся изнутри.

Мистер Эндорфин скачет по жизни с торшером наперевес. Ведь современные ветряные мельницы можно победить только светом.

1. НЕВЕЗУЧИЙ. АВТОПОРТРЕТ

Когда в двадцатом роддоме города Москвы, где я родился, младенцам выдавали кармы, мою уронили.

С тех пор моя карма с трещиной. У меня все валится из рук. Я — ходячий полтергейст.

Если я сажусь на стул, он ломается. Если я открываю бутылку колы, она брызжет во все стороны. Если я встаю в очередь за чем-то, на мне это что-то заканчивается.

Друзья активно пользуются мной, спрашивая на перепутьях, куда бы пошел я, чтобы самим направиться в противоположную сторону.

Мне нравится эпитет «невезучий» из одноименного фильма с Пьером Ришаром, но те же друзья называют меня жопоруким. Я — человек повышенной пьер-ришаровости.

Всего один пример, чтобы показать глубину проблемы.

ОЛЕГ БАТЛУК

Однажды я ехал с компанией в автомобиле на переднем пассажирском сиденье. Мы направлялись на пикник отмечать покупку этого самого автомобиля товарищем. Внезапно сзади ко мне на сиденье прибежала собачка, маленькая такая, тойтерьер или как они там называются, из серии этих вечно трясущихся созданий, всем своим видом как бы говорящих «мне хана». Ее хозяйка, сидевшая за моей спиной, попросила передать песика обратно назад. Я поймал собачку и передал. Ничего сложного.

В следующую секунду хозяйка начала орать. За ней владелец машины начал орать. За ними весь салон начал орать.

На меня. Передавая собачку, я ее головой снес зеркало заднего вида. Напрочь. Вырвал с корнем.

Единственным живым существом, кто тогда не издал ни звука, была собачка. Животные чувствуют это. Стихию, с которой лучше не связываться.

2. МАЕ УКЕМИ

С такой пьер-ришаровой грацией я пошел заниматься айкидо. Мне захотелось окончательно загнать свой организм в тупик.

Какое-то время я честно посещал тренировки и даже сдал экзамен на некий младенческий «пояс». У них в айкидо это называется «кю», почти как в фильме «Кин-дза-дза». Правда, красных штанов мне не выдали.

На одной из тренировок мы отработывали базовый элемент — кувырок вперед. В айкидо он именуется не так топорно, как у нас, у славян, «кувырок», а, напротив, поэтично, как все у японцев, «мае укеми». Кувырок производится из нижней стойки, с колен. Одна ладонь ставится на пол от себя, другая — к себе, толчок — и ты перекатываешься вперед, красивый, элегантный,

ОЛЕГ БАТЛУК

и даже, по собственным наблюдениям, немножко сексуальный.

И вот во время очередного кувырка я внезапно задумался. О работе, о мире во всем мире, о бабах или о феноменологической редукции у Гуссерля — неважно, у меня бывает. Крепко так задумался, тотально, всеобъемлюще и весьма, весьма некстати. Потому что в момент неожиданного прихода мысли в мою голову, голова эта была в неестественном положении вверх тормашками: кувырок «мае укеми» был в самом разгаре.

Мозг, занятый Гуссерлем, мгновенно перестал посылать сигналы в тело, и я осыпался в себя. Все мышцы одновременно расслабились, и в итоге вместо кувырка вперед я неуклюже встал на голову и упал на бок, врезавшись в стену спортзала. Вместо поэтичного японского «мае укеми» получилось наше славянское «ё-моё».

«Знаешь, на что это было похоже? — философски заметил наш тренер (он же «сэнсэй», он же «сихан»), соскребая мои останки со стены, — как будто колесо от телеги отвалилось и укатилось в кювет...»

«Как будто колесо от телеги отвалилось» — вот наиболее точное описание меня в любом спорте.

3. Из жизни дятлов

Я какая-то передвижная аномальная зона. В меня приземляются и из меня взлетают НЛО, причем без моего ведома. Техника в радиусе моей вытянутой руки неизбежно выходит из строя. Правда, возможно, дело как раз в вытянутой руке.

Старые пишущие машинки — живые существа. У них есть собственное мнение и, что неожиданно, литературный вкус. Например, моя первая пишущая машинка положила свою короткую жизнь на то, чтобы отучить меня писать. Ей катастрофически не нравилось мое творчество. Она стояла на письменном столе насмерть, чтобы спасти мир от такого автора.

Сначала я творил на бумаге. Но у меня был ужасный почерк, который во время графоманских припадков становился и вовсе неизвестной науке клинописью. Когда наутро наступало похмелье после очередного вдохновения, я ничего не мог разобрать.